

Последний номер

Олег Кэп

Олег Кэп

Последний пионер

«Издательские решения»

Кэп О.

Последний пионер / О. Кэп — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933974-4

Это воспоминание о целой эпохе конца 80-х и 90-х. Тяжелой эпохе, кровавой. Воспоминание о том, как за несколько лет жизнерадостная страна превратилась в руины. Как выживал народ, какую гадость мы ели и пили, как стыдно было за пьяные выходки Ельцина, как нам дурили головы с приватизацией и реформами. Как единый народ необъятной страны был разрезан на части и миллионы человек оказались в одночасье «оккупантами», иностранцами. Воспоминания о временах, которые нам чудом удалось пережить.

ISBN 978-5-44-933974-4

© Кэп О.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. Последний пионер	6
Последние пионеры. Вместо пролога	6
2. Родной город	8
3. Ранние годы	11
4. 1988. «Яблоки на снегу»	14
5. 1989. «Езжай в своя Россия!»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Последний пионер

Олег Кэп

© Олег Кэп, 2018

ISBN 978-5-4493-3974-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Последний пионер

Последние пионеры. Вместо пролога

Я – обычный человек из российской глубинки. Не олигарх и не министр, не звезда шоу-бизнеса и не представитель богемы. Изредка пишу в Твиттере, но каким-то «топовым блогером» себя не считаю. Обычный представитель поколения «последних пионеров», на чьих глазах рушился Советский Союз и весь прежний уклад жизни.

Наш класс и класс годом младше еще успели стать пионерами, а затем все рухнуло. Рухнула в небытие страна, кануло в лету пионерское движение. Что такое «Любовь, комсомол и весна» так и не довелось узнать ни мне, ни всему моему поколению.

Вместе с крушением СССР я лишился Родины и оказался в новом государстве, с чужим государственным языком, чуждой идеологией, чуждой новой историей. Таких как я – миллионы по всем республикам бывшего Союза.

То, что я хочу вам поведать – рассказ о жизни в Ташкенте на сломе эпох обычного русского школьника, а затем студента. Рассказ про утрату и повторное обретение Родины. Рассказ о мытарствах репатрианта, решившего вернуться на родину предков.

Изначально, на этот рассказ меня сподвигла переписка с обычными русскими людьми, волею случая оказавшихся за пределами России в 1991 году. Кто-то из них вернулся на историческую Родину, кто-то остался в бывших республиках. Часть из них живет на Украине и переживает очередной постмайданный катаклизм.

Это взрослые семейные люди, которым не так просто решиться на переезд в неизвестность, бросить все нажитое годами и уехать. Многие из этих людей мои ровесники. Возможно, этот рассказ станет дополнительным стимулом для возвращения на родину предков.

Еще одним побудительным мотивом взяться за перо стало то, что в последние годы идет пропагандистская кампания по демонизации советских времен и возвеличиванию то Колчака, то Солженицына, то Ельцина. Не так давно Наина Ельцина назвала 90-е годы «святыми». Мягко говоря, я с этим не согласен. Разумеется, мое мнение субъективно, но я в этом мнении не одинок. Я точно знаю, что таким же образом думают многие мои подписчики и не только они. Так думают тысячи, если не миллионы. Мы – не «Иваны родства не помнящие». Мы эту мрачную эпоху пережили и не забыли ее.

Ужас 90-х не может помнить моя дочь, которая родилась в сытые «нулевые». Она 90-е не прочувствовала на себе и не имеет иммунитета к идеологической обработке. Нашему поколению отформатировать память, пропагандистам «святых 90-х», не удалось и вряд ли удастся, поэтому они взялись за наших детей. Вот, что пугает.

Мне хочется, чтобы моя дочь выросла нормальным человеком. Человеком, который знает, что власовцы – предатели, а не «диссиденты 30-х». Знает, что не все в СССР было плохо. Знает, что в 90-х наша страна стояла на грани гибели, а не «встала на путь свободы». Знает, что имеет полное право гордиться своим пра-прадедом, который дошел до Берлина и спас свою страну, спас своих детей, внуков и правнуков от тотального уничтожения, а не от «баварского пива».

Во время написания одной из первых глав я узнал, что у меня рак. Очень надеюсь, что поборою этот страшный недуг, но, как и любой мыслящий человек, я не мог не задуматься о том, как донести до дочери свои воспоминания о 80-х, 90-х и «нулевых». Она еще совсем ребен-

нок и многого не понимает, многое может забыть из того, что успею ей сейчас рассказать. Эта повесть – память, которую хочу ей передать. Можно сказать, моя исповедь.

2. Родной город

Меня иногда спрашивают, как я очутился в Ташкенте, каким ветром занесло в Узбекистан. Отвечаю просто – бабушек и дедушек партия направила, по «комсомольской путевке». Народ ехал поднимать промышленность, науку, медицину, строить новые города, осваивать «Голодную степь».

Ташкент в 80-х был городом многонациональным: узбеки, русские, татары, поляки, немцы, евреи, греки, корейцы, уйгуры и многие другие народы. Если верить статистике, всего в городе проживало 120 национальностей. Так это или нет, судить не мне, однако смешение культур было большое. Это отражалось, в том числе, и в кухне: узбекский плов мирно соседствовал с русским холодцом, украинским борщом, белорусскими драниками, корейской морковкой и татарскими беляшами. Точно так же мечети уживались с православными церквями и синагогой.

А еще это отражалось в огромном количестве смешанных браков. Один мой одноклассник был на четверть грек, на четверть мордвин, на четверть белорус, на четверть русский. В другом моем однокласснике бурлила кровь польских, французских, русских, украинских, узбекских предков. И как-то все уживались, жили бок о бок. Русские всех соседей на Пасху угощали куличами, узбеки на Рамазан угощали всех пловом, а татарский чак-чак обожали дети всех национальностей и ждали татарских праздников.

Город был разным. Официально Ташкент делился на 11 районов, но прежде всего он делился на чисто узбекские районы (преимущественно, частный сектор) и районы русских/русскоязычных. Среди последних, выделялись несколько корейских районов. Корейцы быстро обрусели, большинство приняли православие и русские имена, но селиться предпочитали в своих районах. Были районы, где все жили вперемешку, но чаще районы были с определенным этническим составом.

Было несколько волн массового заселения города русским и русскоязычным населением со всех краев необъятной страны. Самая первая была при царях, когда Ташкент обрел свой нынешний центр, за пределами Старого города, еще ханского. Царские власти предпочитали не вовлекать местное население в жизнь остальной страны, на их уклад жизни никто не покушался. Плати налоги и живи, как хочешь. Главное – не бунтуй. Возможно, причиной было и нежелание провоцировать недовольство местных, если бы начали сносить кварталы Старого города, расчищая место под дома и общественные здания новых поселенцев.

Так или иначе, но во второй половине 19 века за границей исторической части Ташкента возник «Русский Ташкент» – центр всего Туркестанского генерал-губернаторства. Следы царского периода нынешние власти всячески затирают: здания сносят, либо ремонтируют до неузнаваемости. Но тогда, в 80-е эти здания сохраняли старый облик и производили впечатление своей монументальной красотой.

После подведения железной дороги, связавшей с Москвой и Петербургом, регион перестал быть экзотической и далекой туземной окраиной, а еще раньше в Ташкенте обосновался опальный великий князь из дома Романовых. Его небольшой дворец пережил и землетрясение 1966 года, и многочисленные реконструкции центра города.

Короче говоря, Ташкент к 1917 году был уже прилично обжит. Революция его не обошла стороной. И митинговали, и стреляли, и крепость местную штурмовали. Гражданская война тоже в регионе бушевала, немало крови пролилось тогда. В стране царил голод, и теплый, солнечный Ташкент, где земля дает несколько урожаев в год, стал центром притяжения тех, кто устал от потрясений. Помните выражение «Ташкент – город хлебный»? Оно как раз о периоде Гражданской войны и послевоенной разрухи.

Во время Великой отечественной войны город был одним из центров эвакуации, в Ташкент перевезли целые заводы с рабочими и их семьями. Везли в ташкентскую эвакуацию артистов и сирот, писателей и раненых. Всех везли. Всем нашлось место в этом городе.

К сожалению, для многих раненых солдат ташкентская земля стала последним пристанищем. В честь них в городе был построен мемориал, в центре которого установлен памятник Скорбящая мать. Там же создали аллею героев, где многие годы школьников принимали в пионеры. В том числе и меня.

Эвакуация – особый период жизни города. Ташкент стал городом миллионником, местная киностудия сняла прекрасный фильм «Два бойца», эвакуированные заводы давали фронту танки и самолеты, а обычные люди отдавали последние сбережения и силы, чтобы победить фашистов. А еще, простые жители города принимали всех эвакуированных, делились последним куском хлеба. Семья местного кузнеца Шамахмудова усыновила 15 детей, лишившихся родителей и эвакуированных в тыл. Дети были самых разных национальностей: русские, белорусы, молдаванин, латыш, казах, татарин и др. Все они нашли приют в доме простого узбекского кузнеца, стали для него родными.

В те годы окончательно стерлись границы между городом старым и городом новым, русским и узбекским. Ташкент стал единым целым. После окончания войны не все эвакуированные уехали, многие остались жить, для них Ташкент стал домом. Многим просто некуда было возвращаться: вместо домов одни пепелища, родные погибли. Все вокруг напоминает о пережитом горе. Уж лучше остаться там, где тебя приняли со всей душой, помогли начать новую жизнь.

Спустя двадцать лет после войны город постигло бедствие – 26 апреля 1966 года произошло мощное землетрясение. Город лежал в руинах. На помощь пришел весь Советский союз, со всех республик приехали строители. Стройка шла по всему городу. Сильнее всего пострадали центральные районы. Пока там шли работы по расчистке завалов, на окраинах Ташкента начали возводить новые микрорайоны. Когда завалы центра были расчищены, там возвели микрорайон с индексом «Ц».

Задачу строителям поставили очень жесткую – до зимы обеспечить жильем всех пострадавших от землетрясения. Эта задача была выполнена. Район, в котором я вырос, был отстроен в такие стахановские сроки, что сейчас уже трудно поверить. Гигантский жилой массив на полмиллиона жителей. Это был титанический труд.

После землетрясения было решено расселить городские коммуналки и снести несколько «неблагополучных» районов частной застройки. В городе имелось несколько «шанхаев», часть из них возникли в царское время, часть во время войны. Их и решили ликвидировать, а жителей расселить по новым микрорайонам. Короче говоря, работы у строителей было хоть отбавляй. В благодарность за восстановление города, власти республики распорядились предоставлять им квартиры вне очереди. Многие остались жить в Ташкенте.

Спустя два года после землетрясения было начато строительство метрополитена. Во всем СССР только в пяти городах было метро, Ташкент стал шестым городом Союза, обладающим этим видом транспорта. В 1977 была открыта первая ветка, в 1984 вторая. Летом это лучший вид общественного транспорта. На улице жара градусов под пятьдесят, а в метро спасительная прохлада.

Город рос и хорошел. В 1983 торжественно отметили 2000-летие Ташкента, примерно тогда же население города перевалило за два миллиона. Каждый год по распределению приезжали новые люди, молодежь. Кто-то уезжал по окончании положенной отработки, но многие предпочитали остаться. И я их прекрасно понимаю.

Судите сами – красивый южный город, продуктов в магазинах полно, с жильем тоже особых проблем не было, зима короткая и теплая, лето долгое и жаркое, солнце светит практически круглый год, овощи и фрукты в изобилии, мест для культурного досуга предоста-

точно. Спрашивается, какой смысл был уезжать? Страна-то одна была. Никаких границ от Риги до Душанбе, от Ашхабада до Владивостока. Одна большая страна.

Самое яркое воспоминание из тех далеких времен – майские праздники в городе. Море солнца, цветов, красных флагов и счастливых лиц. Детским воспоминаниям свойственны преувеличения, есть только белое и черное, никаких полутонов. Я прекрасно понимаю, что далеко не все было идеальным. Тогда я об этом не думал – слишком мал еще был, мне просто запомнилось ощущение праздника и много-много солнца. Взрослые от души праздновали 1 Мая, детвора ждала салют на 9 Мая. Каждому возрасту свой праздник...

Ташкент в конце апреля – начале мая прекрасен – тепло, но еще нет изнуряющей жары, трава еще не выгорела под жгучим южным солнцем, цветущие розы, первая клубника на базарах. Я сам уже порой не верю, что +30 это не чудовищная жара, а просто приятное тепло. А в Ташкенте именно так, +30 и ощущаются, примерно, как +23 в средней полосе России. Одним словом – благодать. Это время года мне и запомнилось больше всего.

Рос я в районе под названием Чиланзар. Район был преимущественно русским, но со временем там и узбекское население появилось. Район утопал в зелени. Строили кварталы после землетрясения 1966 года быстро, прямо посреди полей и поначалу деревьев было мало. А летом жарко, особенно в июле. Ночью же температура сильно снижалась и в первые годы было много случаев инфарктов у сердечников. Врачи забили тревогу и власти собрали целый консилиум с целью выяснить – в чем причина и как с этой проблемой справиться.

Причина была найдена – мало зелени. Днем сильная жара, а ночью температура резко падает. Дома-то построили в чистом поле, ни кустика, ни деревца. Оттого и такие сильные перепады температуры. Деревья же и декоративные кустарники дадут бетонным коробкам домов спасительную тень днем, а вечером станут заслоном перед холодным воздухом из полей и не позволят домам резко остыть.

В районе начали массово высаживать деревья. К концу 80-х деревья так вымахали, что порой, между домами неба не было видно – закрывали ветви и листья деревьев. Идешь на рынок (там я говорил «на базар»), проходишь под этим зеленым навесом деревьев и так хорошо, такое блаженство, такая прохлада. Выйдешь на открытое место – воздух сухой, жаркий и солнце обжигает. Но открытых пространств на квартале было сложно отыскать, куда ни помотришь – везде зеленые насаждения и деревья, деревья, деревья...

Деревья были разные: тополя, платаны, ореховые деревья, вишни, черешни, яблони. Все лето мы – малышня, проводили на улице и, разумеется, наедались яблок, орехов, вишни до отвала. А сколько стекол разбили, пытаюсь сбить яблоки да грецкие орехи...

3. Ранние годы

Из самого раннего детства мало что помню. Мама рассказывала, что однажды, в возрасте трех лет я решил, что уже взрослый и мне пора работать. Взял мамину сумку, положил свои игрушки и улизнул из дома, пока родители занимались домашними делами. Пошел на «калаботу». Шел я к ближайшему заводу, почти дошел до проходной и был замечен маминной подружкой. Она-то меня домой и привела. Я злился, брыкался, требовал отпустить. Рвался на завод, на «калаботу».

В январе 1985 нам дали новую просторную квартиру. Была снежная зима, наш дом еще не полностью был заселен, а в нем уже ободрали все пластиковые накладки на лестницах. Эти накладки с внутренней стороны имели две ребра и за счет них хорошо скользили по снегу. Их нарезали под размер обуви и прикручивали на саморезы к ботинкам, а затем катались как на коньках. Я был слишком мал, сделать «коньки» себе не мог и с завистью смотрел как пацаны постарше рассекают на них по двору, играют в хоккей.

Зато, в ту зиму вдоволь накатался с горок и наигрался в снежки. Мы даже две крепости слепили из снега и играли в войнушку снежками, крепость на крепость. Это была самая снежная и холодная зима в моей ташкентской жизни, больше таких не было. Хочется прокатиться с горки, а снега нет. И так год за годом. Ждешь зиму, ждешь, а она так и не приходит. Обидно...

В новый детсад, поначалу, ходить не любил из-за рисовой каши с тыквой. Готовили ее часто, а тыкву я не ел вообще. Терпеть ее не мог тогда и до сих пор не люблю. Как ни пытались меня накормить этой кашей, все было тщетно. Принципиально терпел чувство голода и ждал обеда. А на обед борщ, в нем капуста. Капусту я тоже не ел. Организм ее не переваривал. В итоге, сидел на хлебе и компоте весь день. С нетерпением ожидая, когда придет мама и заберет домой, где меня наконец-то накормят тем, что я люблю. Картошкой и мясом.

Несколько ребят из группы насмеялись надо мной, говорили, что веду себя как капризная девочка. Дразнились. Однажды я им отомстил, устроив диверсию.

Во время тихого часа отпросился в туалет и набрал полную горсть муравьев. Муравьи облюбовали туалет и сколько их не пытались извести, не исчезали. Они-то и стали моим оружием мести. Наловил их, вернулся в комнату и подкинул в кровати тем, кто больше всего меня третировал, затем лег в свою кроватку и притворился спящим. Через несколько минут раздался первый крик, потом второй. Вскоре кричали все, кому я подкинул муравьев. Оказалось, что муравьи кусачие, я-то рассчитывал, что они просто вызовут щекотку...

Хулигана вычислили быстро и влетело мне капитально. В детсаду наказали, не пускали во двор играть, а дома вдобавок к этому в угол поставили. Но наказание того стоило – больше никто не осмеливался надо мной глумиться. Зауважали новичка, стали со мной дружить. А в детский сад вызвали работников санэпидемстанции. Больше в туалете муравьев не было, вытравили. Мне их было жаль, чувствовал себя виноватым. Они погибли по моей вине...

Зимы я после 1985 не видел все детство, зато летом отрывался по-полной. Сколько зеленых яблок было съедено с солью, не сосчитать. Все яблони в округе обдирали с пацанами. Родители ругались, говорили: «Ну дождитесь, когда они созреют. Что ж вы их кислыми едите?» А нам все нипочем. Хотелось-то именно кислых незрелых яблок с солью. Это же круто! Потом день не слезаешь с горшка, слушаешь нотации родителей и... опять идешь срывать незрелые яблоки.

А сколько было выпито «вишневки»... Что такое вишневка? Это самодельный вишневый нектар. Берешь бутылку от Пепси-Колы, набираешь в нее вишни, добавляешь воду, срываешь с любого дерева тонкую веточку и как ступой орудуешь ей. Надо раздавить вишню и перемешать с водой. Пара минут и готова вишневка. Кисленькая такая, вкусная. Отлично утоляет

жажду. А если оставить ее на несколько дней в холодильнике, то немного забродит и начинает пьянить. Пацаны постарше пили именно такую, а мы – мелкота, только свежую. Забродившую у нас тут же отбирали «старшие».

Дни напролет летом проходили во дворе. То пионерский костер устроим, то самодельные воздушные змеи запускаем, то в лянгу играем, то в ащички, то в ножички. Даже в Ташкенте новое поколение не знает, что такое лянга и ащички. Игры моего детства ушли в небытие. Может внукам будет интересно, во что играли их дедушки и бабушки, нашим же детям интереснее компьютерные игры.

Нашел в интернете толковое описание лянги, сам бы так четко не сформулировал. Цитирую: «Лянга» – лоскуток шкуры с пришитой к нему пластинкой свинца». Чем толще шкура и чем длиннее мех, тем лучше. Толстая шкура дольше держит свинец, не рвется, а за счет длинного ворса лянга дольше парит в воздухе и не так больно бьет по ступне. Играли ей примерно так, как чеканят футбольный мяч. Называлось это «набивать лянгу». Кто больше раз набил, тот и выиграл. Ругали пацанов за лянгу и дома, и в школе. Страшали грыжей и другими болячками, а мы продолжали играть. Испортилась лянга, срочно начинаешь искать шкуру. Старая меховая шапка, воротник или шуба родителей были настоящим сокровищем – можно много лянг сделать. Мастером лянги я не был, больше любовался на пируэты в воздухе более опытных и талантливых мастеров этой игры. Мне больше давалась игра в ащички, тут я был в своей стихии и мог играть от рассвета до заката, без перерыва на обед.

Ащичка – это прямоугольная косточка из коленного сустава задней ноги барана. Ими играли так: на земле рисуется квадрат, в центре которого (по линии) выставляются ащички меньшего размера чем биток. Цель простая – выбить ащички из квадрата. Все что выбил – твое.

Битки были крупнее, их красили лаком для нарядности и чтобы дольше служили, не стирались грани. Те ащички, что стерлись котировались низко и назывались «хряпуны». Их нельзя было обменять и многие отказывались принимать их в игру.

Мамин лак для ногтей уходил мигом, на покраску ащичек. Мамы пацанов со всей округи ворчали, обещали наказать, но прощали нас за «хулиганство». Дома появлялся новый флакончик с лаком и опять уходил не на мамины ногти, а на мои ащички.

Часто ловили мошенников, которые сверлили дырки в битках и заливали в них свинец. Так биток становился тяжелее, легче вращался между пальцами перед ударом и летел быстрее обычной ащички. Поэтому перед игрой друг у друга осматривали, ощупывали битки. Особое подозрение вызывали битки густо намазанные темным непрозрачным лаком. Если слишком тяжелый, биток у владельца отбирался на экспертизу, которую проводили на месте, с помощью перочинного ножа. Лак соскабливался, если свинца нет – играй, если есть – беги, пока не наваляли.

В 1987 я впервые оказался в России. Мы с мамой гостили у деда в Подмоскowie, ездили в Москву на экскурсии и по магазинам. Красная площадь и Кремль не особо интересовали, меня манили Царь-пушка и Царь-колокол. Был от них в полном восторге. Они казались такими огромными, я рядом с ними ощущал себя лилипутом.

Но самый большой восторг был от ВДНХ и Детского мира. На ВДНХ облазил весь павильон «Космос», забирался в самолет, стоявший рядом с павильоном. Сидел за штурвалом и представлял, что я – пилот. А рядом стояла ракета и, смотря на нее, мне так хотелось поскорее вырасти и стать космонавтом.

Детский мир просто ошеломлял. Он был больше всех детских магазинов Ташкента, вместе взятых. Хотелось весь его купить, но детские грезы разбивались о строгие мамины слова: выбери что-то одно. И я выбрал. Мама купила мне детский игрушечный кегельбан. Говоря современным языком – боулинг. Он был просто огромный и занимал половину спальни. Но как же здорово было в него играть...

С дедом мы ходили на рыбалку, он подарил мне бамбуковую удочку. На речке было так тихо, спокойно. Можно было часами сидеть с удочкой и ждать клева. Точнее, клев-то был, просто у меня не хватало терпения и начинал подсекать слишком рано, рыба срывалась с крючка. Но под конец отпуска пообвыкся, что-то стало получаться. Представляю, какой сияющий вид у меня был, когда приносил маме лично пойманного пескарика. Меня распирало от радости, ведь я принес домой добычу, ужин.

Ходили мы с дедом и в лес по грибы. Он собирает сыроежки, я же – поганки. Почти все, что тогда собрал, пришлось выкинуть. Жаль было трудов, но не травиться же... Я предвкушал как будем есть на ужин картошку с грибами. Запах от сырых грибов стоял сногшибательный.

Но вот незадача, пока готовился ужин, мне все меньше хотелось есть. Грибы я уже видеть не мог, есть их тоже не смог. Чувствовал, что меня от одного их вида выворачивает наизнанку. Поклевал картошку и пошел спать. Лишь годы спустя я понял, что тогда случилось. У меня аллергия на запах грибов при термообработке. Когда их жарят, варят, парят появляется специфический запах, от которого я задыхаюсь.

Много лет прошло и не помню уже, как в 1987 обстояли дела с продуктами в подмосковном городке, где жил дед. «Колбасные» электрички были, это точно. Но не помню, чтобы был тотальный дефицит. Были продукты на прилавках и хозяйвары в продаже были. Ассортимент конечно был не такой богатый, как в столице, но жить было можно. С голода никто не помирал и без штанов не ходил.

Зато хорошо помню, что в местных продуктовых магазинах стояли банки с березовым соком. Для меня это была диковинка, в Ташкенте его не продавали. Приятный сок, с кисло-сладким очень легким вкусом. Когда стояли жаркие деньки, отлично утолял жажду. Понравился он мне тогда. Очень жаль было, что в Ташкенте его не достать.

Годами позже, когда я переехал в Россию, с удивлением обнаружил, что березовый сок больше не производится и не продается. Берез много, сок они дают как и прежде, а в продаже его нет. Странно и совершенно непонятно. Полтора десятка лет уже живу здесь, а так ни разу больше его и не увидел в магазинах. Может плохо искал, но вот честно, не помню, чтобы он мне попался на глаза. Ни в больших магазинах, ни в малых. Это удивляет, откровенно говоря. Неужели частный бизнес не считает перспективным возобновление его производства? Целые поколения на нем выросли, помнят его вкус. Вряд ли производство безумно сложное и дорогое. Так почему его нет? Для меня это загадка.

Лето прошло, наступила осень, и я пошел в школу. Первый раз в первый класс. Шел и думал: «Я теперь не маленький, я в школу хожу!» Мне нравилось учиться, особенно хорошо давались математика и русский язык. Мама дома занималась со мной перед школой, и я умел хорошо читать и считать. Пока одноклассники учились читать по слогам, я уже умел читать по словам. Выпендривался самым наглым образом. Каюсь, грешен.

Потом нас приняли в октябрята. Какое это было счастье! Какая гордость! Мы учили песни, маршировали. Наш класс занял какое-то призовое место на городском слете октябрят. Как же нам завидовали сверстники из параллельных классов, а мы усерднее репетировали марши, чтобы на следующем слете победить, стать первыми. И спорили, кто первым из класса станет пионером

4. 1988. «Яблоки на снегу»

В майские праздники того года я попал в чешский Луна-парк. Чехословакия была далеко, но чешский парк совсем рядом, в моем родном городе. Луна-парк появился в Ташкенте еще в 70-х и занимал часть парка Тельмана. Он был сезонным, чехи приезжали весной и уезжали осенью. По выходным парк Тельмана напоминал самый настоящий муравейник. Мелкота чуть не силком тащила туда родителей, ради аттракционов и жвачки Pedro.

Аттракционы были просто шикарные, по тем временам. В других парках не было ни комнаты страха, ни американских горок, а здесь и то, и другое, и еще куча всего. В комнату страха и на американские горки меня не пустили родители, ибо мал слишком. Пришлось довольствоваться аттракционами «для малышей». Так хотелось туда... Туда, где визжат от восторга и страха, откуда все выходят радостные и возбужденные. Они там, а я здесь, на детской карусели. Обидно...

Я был раздосадован до предела. Столько времени мечтал попасть в этот парк, а тут такой облом. Вид у меня был самый жалкий и несчастный. Родители сжалились надо мной и предложили компромисс – в комнату страха и на горки отведут, когда исполнится 10 лет, а пока карусели и жвачка Pedro.

В магазине продавались жвачки, но только советские. Они назывались «Ну погоди!» и были так себе, невкусные. Pedro же были мечтой всех ташкентских мальчишек. Стоила жвачка целых 60 копеек, для меня – целое состояние. Долго упрашивал родителей купить не одну жвачку, а две. Когда уговорил, сиял от счастья. Ведь одну можно сохранить до понедельника и принести в школу.

Нас с первого класса учили всем делиться. Если кто-то что-то принес в школу, надо поделиться с одноклассниками. Это был закон для всех. Куличи, чак-чак и даже жвачки. Я уже не помню, на сколько кусочков мы расчленили бедного Pedro, сколько было желающих его отведать. Помню только, что кусочки были крохотными.

Зато дома меня ждала целая жвачка. Ее открыл еще в Лунапарке и жевал дня четыре точно, если не больше. Жевал бы и дальше, да только она стала разваливаться на части. Сначала пропал вкус и я раз за разом сыпал на нее сахар. Затем исчез алый цвет и она стала бледно-розовой. Пробовал натереть свеклой, отчего она окрасилась в фиолетово-сиреневый. Но и это не спасало, краска быстро сходила. Сходила с жвачки, но приставала к языку. А потом она стала распадаться на части и бабушка выкинула ее в мусорку, пока я играл во дворе.

Возвращаюсь домой, а жвачки нет. Поднял шум, спрашиваю: «Где жвачка?» Бабушка показала, где. О нет! Мое сокровище, моя прелесть лежит в мусорном ведре. Сердце кровью обливалось, чуть не заплакал. И смех и грех...

Тем летом мы с мамой отдыхали в Костромской области, на базе отдыха «Ветлуга». Страна менялась, в российской глубинке уже сложно было достать дефицит, что для меня, приехавшего из зажиточной Узбекской ССР было чем-то непостижимым. Но еще больше та поездка мне запомнилась песней «Яблоки на снегу», доносившейся из каждого приемника. Да что там из приемника, казалось, что каждый утюг и кипятильник навзрыд исполнял этот хит. Подними меня посреди ночи, скажи чтобы спел «Яблоки на снегу» и я спою. Она въелась в подкорку мозга.

По возвращении с базы отдыха произошло событие, которое потрясло меня – восьмилетнего пацана, до глубины души. 31 августа в Ташкенте пошел дождь. Вам смешно это читать, а для меня это было нечто сродни Апокалипсису. До тех пор я никогда в Ташкенте летом дождь не видел. Для меня нормой было – в апреле отшумели грозы и до конца сентября сухо. На том и рос. а тут посреди дня набежали тучи и начался ливень. Как сейчас помню те ощущения –

растерянность, испуг. И ожидание чего-то плохого, очень плохого. Жизнь покажет, что те ощущения были не напрасно, но это будет потом, а пока, жизнь дарит последние беззаботные месяцы счастливого советского детства.

Осенью была Олимпиада в Сеуле. Это была первая олимпиада, которую я запомнил. Сборная СССР рвала всех в лохмотья. Моя двоюродная сестренка начала заниматься спортивной гимнастикой и мне понравился этот вид спорта. Поэтому старался не пропускать ни одной трансляции из гимнастического зала олимпийского Сеула. Что творили наши гимнастки и гимнасты, дух захватывало от их пируэтов.

Поскольку сестренка занималась гимнастикой в «Трудовых резервах», то персонально болел за Светлану Богинскую. Она была кумиром всех девчонок из «Трудовых резервов» в Ташкенте. И моей сестренки тоже.

Еще смотрел трансляции по легкой атлетике. Я сам неплохо бегал и физрук постоянно твердил, что мне надо развивать этот дар. Желание заниматься у меня было, но подводило здоровье – очень часто простывал. В секции же требовали справку из поликлиники об отсутствии болезней за несколько месяцев. Мне такую справку никто дать не мог. По той же причине не брали в секцию по плаванию. Наверно можно было решить вопрос взяткой, но родители были иначе воспитаны. Взятки давать не умели. Да им это даже в голову не приходило.

Я обо всем этом не думал, просто смотрел Олимпиаду и болел за наших. Отчаянно болел за Сальникова, который принес сборной СССР золото в плавании. Болел за наших бегуний, за наших прыгунов.

Когда Сергей Бубка готовился к решающей попытке, душа в пятки ушла. Сердце кололо так, что казалось – еще миг и выпрыгнет. Но он взял высоту! Я сам в этот момент подпрыгнул от радости. Даже потом, когда Бубка станет выступать за Украину, всегда буду за него болеть. Кумир детства.

Во время олимпиады, или чуть позже, дома появились красочные импортные банки. Маме на работе к 7 ноября дали праздничный продуктовый набор с деликатесами. Среди них были и эти банки. Красивые, с олимпийской символикой.

Часть из них была с каким-то джемом. Вкусный был джем, ничего плохого не скажу. И была банка с сосисками. Чудно так, импортные сосиски. Вкусные наверно... Слюнки текли, страсть как хотелось попробовать..

До праздника их беречь не стали, сварили на ужин в тот же день. Для сравнения сварили и обычные сосиски, советские. Ужин готов, пробуем. В предвкушении чего-то удивительного беру вилкой импортное чудо, кусаю и... на лице гримаса удивления, разочарования, досады. Да они же совершенно безвкусные! Как трава.

Так я познакомился с вкусом «соевого мяса». На их фоне советские сосиски, про которые говорили, что они сделаны из бумаги казались шедевром кулинарии. Они-то как раз были сделаны из мяса. Кое-как дожевали импортный «деликатес» и благополучно забыли об этом казусе.

Кто мог тогда знать, что пройдет десяток лет и наша пищевая промышленность перейдет на «современные стандарты». Что с прилавков магазинов исчезнут колбасы и сосиски из мяса, а им на смену придет соевая дрянь...

Самым же ярким событием того года стала поездка в пионерский лагерь. В честь окончания первого класса, родители раздобыли для меня и двоюродного брата путевки в пионерлагерь «Лайнер».

Лагерь был ведомственный, принадлежал авиазаводу имени Чкалова и находился в горах Ташкентской области. Авиазавод был гигантом, там трудились десятки тысяч человек, было

при заводе свое конструкторское бюро. Завод процветал, имел самую лучшую инфраструктуру, в том числе, несколько домов отдыха и пионерлагерей в Узбекистане и других республиках Средней Азии. Одним из них был «Лайнер». Не лагерь, а сказка...

Представьте себе, 1988 год: каждый день кино, несколько полноразмерных бассейнов с дорожками, прокат не только велосипедов, но и скейтбордов. Скейтборды только-только появились в СССР, везде их было не достать. А здесь – сколько хочешь. Ко всему прочему: горы, прогулки на катере по горному водохранилищу, шведский стол в столовой. С пирожными, Фантой, Кока-Колой, свежими фруктами в ассортименте.

В Ташкенте было полно Пепси, а вот Кока-Кола была в диковинку. Нечасто она встречалась в магазинах, видимо не на местных заводах ее разливали. А в пионерском лагере – хоть пейся. И все это удовольствие стоило нашим родителям 6 рублей с копейками.

А теперь скажите мне, что это был не коммунизм. Самый настоящий коммунизм, в отдельно взятом пионерлагере. И этот пионерский лагерь был не единственный, где детям создали идеальные условия отдыха. Десятки подобных лагерей каждый год принимали тысячи школьников. И все они были доступны для простого ташкентского рабочего, инженера, служащего.

Предвидя скепсис, что все так прекрасно быть не могло, скажу следующее: ребенку свойственно идеализировать свое детство, но помимо этого, в Ташкенте тогда и правда неплохо жилось. Узбекская ССР поставляла стратегическое сырье – хлопок. Сырья требовалось много и местные руководители хорошо поняли правила игры – даем хлопок и получаем все плюшки. А плюшек давали из центра щедро: никакого дефицита в магазинах, отличные дороги, газификация всей республики, массовое жилищное строительство и отсутствие коммуналок. Правда, каждый год происходили ЧП при перевозке, прямо в железнодорожных вагонах сгорало (согласно официальным бумагам) около миллиона тонн хлопка. И так год за годом...

Понятное дело, что пожары были для вида, как ограбление магазина в «Операции «Б1». Столько хлопка республика дать не могла, при всем желании. Хоть все хлопком засади, каждый клочок земли. Доходило до того, что на окраинах города вместо цветов в клумбах сажали хлопок. Все все знали, все все понимали, но делали вид, что действительно хлопок сгорел при перевозке.

И за весь этот хлопок, в том числе и якобы сгоревший, республика получала из центра хорошие деньги. А еще были самолеты ИЛ с авиазавода имени Чкалова (ТАПОиЧ), тракторы с ТТЗ, комбайны с Ташсельмаша, золото и уран из Навоийского горно-металлургического комбината и многое-многое другое, что тоже приносило деньги в бюджет Узбекской ССР.

Денег хватало на построение коммунизма в отдельно взятой республике. А про столицу республики и говорить не приходится – Ташкент катался как сыр в масле. До такой степени, что холодильник «Минск» проще было купить в столице Узбекистана, а не в столице Белоруссии. Звучит как анекдот, но так и было.

Я был еще совсем мелким, но хорошо запомнил, что не существовало проблем с Пепси, «птичьим молоком», тем более не было проблем с колбасой, сыром. Эти продукты дома не переводились. А ведь семья у нас была самой обычной, со средним достатком.

Кто знает, как долго эта идиллия могла бы продолжаться, возможно, что и долго. Однако, жизнь решила по-своему... Настал год 1989-й.

5. 1989. «Езжай в своя Россия!»

Год этот стал переломным, по крайней мере для меня. Тогда закончилось мое беззаботное детство, и для маленького мальчика из Ташкента началась эпоха перемен и потрясений.

Понятно, что изменения в стране уже были. Изменения глубокие, коренные. Экономика менялась, кооперативы появились, видеосалоны с американскими фильмами выросли как грибы после дождя. Однако, все это было хоть и необычно, но не было ощущения крушения всей прежней жизни. Страна оставалась советской, своей, родной. Радовались серебру сборной СССР по футболу на Евро-1988, триумфу сборной СССР на Олимпиаде в Сеуле. Когда в Карабахе началось противостояние, это воспринималось как нечто странное, непонятное, но вскоре произошло землетрясение в Спитаке и вся страна бросилась помогать пострадавшим. Конфликт сошел с полос газет и выпусков новостей. А дальше все (в сознании советского мальчишки, росшего с мечтой о покорении космоса) затмил полет «Бурана».

До сих пор помню, как родители подарили модель этого космического корабля, который я тщательно собирал и склеивал. Кусочки пластика соединились и превратились в модель красивого белоснежного корабля. Не только меня мечты уносили в глубины вселенной. Такие модели разошлись по стране сотнями тысяч и сотни же тысяч моих сверстников, которые так же мечтали стать космонавтами, грезили о полете на этом самом «Буране».

Беды 1989 года для меня начались с семейной трагедии – умер отчим. Человек с добрейшим сердцем и золотыми руками. К сожалению, сердце у него было не только доброе, но и больное. Врожденный порок сердца, который не в состоянии тогда была излечить наша медицина. Этот человек для меня стал настоящим отцом. Им он для меня, навсегда, и останется.

Было больно видеть, как он угасает. Угасает на глазах. Такой веселый, остроумный, добрейшей души человек. Он мучился, но продолжал бороться со своим страшным недугом. В апреле 1989 его не стало. Остановка сердца, клиническая смерть, реанимация, отказ внутренних органов и снова смерть. Уже без шансов на спасение. Он умер не дожив даже до сорока лет.

Годы спустя мне не раз приходила мысль, что отчим с его слабым сердцем, вряд ли смог бы пережить 90-е. Завод, на котором он работал, фактически закроется через несколько лет. Сотни рабочих этого завода сначала будут сидеть на хлебе и воде, а затем окажутся на улице. Без денег, без работы, без перспектив. Может и к лучшему, что он не увидел всего этого...

А потом полыхнуло в Ферганской долине. Я был еще совсем мелкий и взрослые не всегда просвещали о проблемах. Рос себе и рос советским школьником, в духе интернационализма. А тут такое...

Проблемы появились, еще когда был жив отчим. Мама рассказывала, что однажды он ехал на работу и увидел на балконе многоэтажки плакат «Русские в Рязань, татары в Казань!». Мне, естественно, об этом никто ничего не сказал тогда. Но, уже по нашему двору было понятно, что происходит нечто странное, неприятное. Вчерашние друзья -узбеки стали смотреть косо, огрызаться, без повода лезть в драки.

Один раз я проснулся посреди ночи, пошел в туалет и услышал разговоры взрослых на кухне: бабушка рассказывала маме, как ей нахамил на базаре. Она хотела купить полкило грецких орехов и ей нахамил какой-то молодой продавец. Если раньше продавцы без проблем взвешивали полкило и давали еще «с походом» (с довеском), то теперь она услышала: «Не хочешь брать килограмм – езжай в своя Россия».

Пока отчим болел, нашей семье было не до политики, не до межнациональных вопросов. Обсудили взрослые, повозмущались, да забылось все. А потом его не стало. Мама долго приходила в себя, плакала по ночам, думая, что я уже сплю. Тогда, на семейном совете было решено, что надо сменить обстановку и куда-нибудь уехать на несколько недель, благо у меня наступили летние каникулы. Мама достала путевки для себя и меня на озеро Иссык-Куль, что в горах Киргизии. Было это в конце мая 1989 года.

Иссык-Куль – место фантастическое. Если есть возможность туда поехать – езжайте не раздумывая, не пожалеете. Горы, море цветов вокруг и огромное соленое озеро, воды которого уходят далеко за горизонт. Одна беда, стоит зазеваться и ты становишься красный как рак. Солнце в горах термоядерное, получаса на пляже хватает для получения солнечного ожога, поэтому надо брать крем от загара, да помощнее. Казалось бы, мы с мамой из Ташкента родом, люди к солнцу привыкшие, чего нам бояться? Оказалось, есть чего... В общем, обгорели мы в первый же день и пришлось сидеть в номере, с головы до ног обмазанными всевозможными кремами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.